

ВОСПОМИНАНІЕ О ЗИМНЕЙ ЭКСПЕДИЦІИ

МАЙКОПСКАГО ОТРЯДА.

Послѣ 1851 года—года постройки Бѣлорѣченскаго укрѣпленія—наступательныя дѣйствія наши за рѣку Лабу возобновились въ апрѣлѣ 1857 года, когда значительный отрядъ, подъ командою генераль-маіора Дебу, занялъ то мѣсто, на которомъ расположено теперь Майкопское укрѣпленіе. Я говорю „наступательныя дѣйствія“ въ томъ смыслѣ, что отрядъ двинулся съ цѣлью, занявъ позицію, утвердиться на ней навсегда и, такимъ образомъ, дать начало устройству бѣлорѣченской линіи; отрѣзавшей у горцевъ большое пространство земли между рѣками Лабою и Бѣлою.

Между 1851 и 1857 годами, войска наши часто вторгались въ залабинскія земли, но это были набѣги, по большей части, кордонныхъ начальниковъ, вызванные или слишкомъ дерзкими хищничествами горцевъ, или желаніемъ поживиться на счетъ ихъ имущества. Такіе набѣги всегда сопровождались болѣе или менѣе сильными перестрѣлками, но не приносили намъ существенной пользы потому, что пройденныя отрядомъ мѣста, вслѣдъ за уходомъ войскъ, тотчасъ же занимались горцами и сожженные аулы выстраивались. Правда, горцы теряли много своего имущества и скота, но они скоро пополняли убытокъ мелкими хищничествами по всей нашей кордонной линіи и, можно полагать, пополняли съ лихвой.

Въ бесполезности набѣговъ, кажется, убѣждено было и само начальство; но, по необходимости, приходилось ограничиваться ими: для рѣшительныхъ дѣйствій войскъ было не-

достаточно. До майкопскаго похода, въ районѣ Лабинскаго округа, мы вели войну, можно сказать, оборонительную, стараясь оградить занятыя нами линіи отъ безпрестанныхъ набѣговъ беспокойныхъ сосѣдей. Сформированіе послѣ кампаніи 1853 — 1856 годовъ двухъ новыхъ полковъ, Крымскаго и Севастопольскаго, и переводъ изъ Нальчика Кубанскаго полка, которому штабъ назначался на рѣкѣ Бѣлой, дали возможность выйти изъ пассивнаго положенія и принять образъ дѣйствія, такъ удачно прилагавшійся уже тогда на лѣвомъ флангѣ, т. е. постепенно подвигать наши линіи въ предѣлы горцевъ, укрѣпляя ихъ за собою или вновь поселяемыми станицами, или же штабами полковъ и постами.

По занятіи мѣста для Майкопскаго укрѣпленія, войскамъ предстояло много трудовъ. Огрядъ очутился среди самаго густаго горскаго населенія, а потому частыя столкновенія были неизбѣжны. Доставка въ возникавшее укрѣпленіе необходимаго для построекъ лѣса, перевозка провіанта и овса изъ станицы Тенгиской, косьба травы въ окрестностяхъ самаго Майкопа, все это сопровождалось частыми и довольно жаркими перестрѣлками. Даже водопой не обходился никогда безъ жертвъ съ нашей стороны. Лѣвый берегъ Бѣлой, насупротивъ лагеря, былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ, постоянно занятымъ горцами, такъ что два раза въ день приходилось выбивать ихъ изъ него артилерійскимъ огнемъ, чтобы дать возможность напоить лошадей отряда и запастись людямъ водою для варки пищи. Съ упалью воды въ Бѣлой, рѣшено было обезпечить водопой, вырубивъ лѣсъ на лѣвомъ берегу до подножія хребта горъ, отдѣляющаго ущелье рѣки Бѣлой отъ ущелья рѣки Курджуса. Рѣшеніе было исполнено съ сильными перестрѣлками, и вскорѣ легкій мостъ соединилъ Майкопское укрѣпленіе съ блокаузомъ, построеннымъ на лѣвомъ берегу Бѣлой. Съ этого времени водопой сталъ почти безопаснымъ; говорю „почти“, потому что горцы не пропускали ни одного раза, чтобы не стрѣлять по водопою изъ крѣпостныхъ ружей. Потеря наша была весьма незначительная, и, по необходимости, приходилось жертвовать нѣсколькими людьми въ мѣсяцъ, такъ какъ занятіе лѣтомъ лѣсистой горы, постоянного пріюта горцевъ, было бы сопряжено съ большимъ урономъ.

Несмотря почти на ежедневныя перестрѣлки, войска продолжали свое дѣло, и возведеніе валовъ Майкопскаго укрѣп-

ленія шло быстро. Къ началу зимняго періода дѣйствій отряда можно было покойно оставить Майкопъ съ небольшимъ гарнизономъ, и всѣми войсками предпринять движеніе для очистки окрестностей отъ горскаго населенія. Это и составляло задачу отряда, выполнение которой я намѣренъ разсказать. Свидѣтелемъ лѣтнихъ дѣйствій отряда я не былъ, а потому и не берусь описывать ихъ, надѣясь, что кто-либо изъ участниковъ приметъ на себя трудъ пополнить дѣлаемый мною большой пробѣлъ. Предложить же читателю описаніе этого періода на основаніи однихъ офиціальныхъ данныхъ я не рѣшаюсь, чтобы не подорвать вѣру въ разсказъ очевидцевъ и участниковъ. Правдивое описаніе кавказской войны именно только тогда и возможно, когда оно будетъ составлено на основаніи разсказовъ участниковъ, конечно съ пополненіемъ необходимыми числовыми данными изъ офиціальныхъ источниковъ.

I.

Въ ночь съ 2-го на 3-е декабря я прибылъ въ отрядъ, чтобы замѣнить товарища, раненаго въ ноябрѣ при движеніи отъ Вѣлорѣченскаго укрѣпленія въ ущелье рѣки Пшехи. Выѣхавъ изъ станицы Тенгинской съ колонною, конвоировавшею крѣпостную артилерію и дивизіонъ пѣшей артилеріи 18-й бригады, 1-го декабря, мы добрались до Майкопа только 2-го числа ночью. Почти весенній день выступленія смѣнился зимнимъ, съ мятелью, и къ приходу нашему въ Майкопъ всѣ окрестности были покрыты глубокимъ снѣгомъ. Измученному двухдневнымъ переходомъ, сначала подъ дождемъ, потомъ подъ снѣгомъ, мнѣ было не до того, чтобы разсматривать лагерь и укрѣпленіе, хотя лунная ночь и прекратившійся спѣгъ дѣлали это возможнымъ. Я скорѣе старался отыскать землянку офицеровъ своей батареи и, найдя ихъ еще бодрствующими, попросилъ чаю. Продрогшему до костей, землянка показалась мнѣ раемъ, несмотря на то, что входъ въ этотъ рай чуть-чуть не сопровождался вовсе невеселымъ обстоятельствомъ: при спускѣ въ него чуть я не разшибъ себя носъ, поскользнувшись на мокрыхъ земляныхъ ступеняхъ. Землянка наша (считавшаяся одною изъ лучшихъ въ отрядѣ) состояла изъ двухъ отдѣленій. Правая половина, собственно комната офицеровъ, была аршинъ семи длинны и пяти ширины; небольшія сѣни отдѣляли ее отъ

другой, почти такой же величины комнаты, назначенной для прислуги. Офицерское помѣщеніе было довольно опрятно смазано глиной, имѣло подъ крышей длинное окно со стеклами, огромный каминъ въ углу и потолокъ, подшитый полками офицерской палатки. По сторонамъ были три койки, по срединѣ столъ для обѣда и для письменныхъ занятій дивизіонера. Встрѣченный радушно старымъ и добрымъ моимъ товарищемъ, дивизіонеромъ В*, я расположился въ землянкѣ какъ у себя дома. Отогрѣвъ меня чаемъ и легкой закуской, В* объявилъ, что въ пять часовъ утра отрядъ выступаетъ въ Курджупское ущелье и что взводъ, котораго я назначался командиромъ, тоже долженъ идти. Было около двухъ часовъ ночи; до выступленія отряда оставалось всего три часа, и потому, прекративъ всякіе разговоры, я, одѣтый, бросился на постель и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Часа черезъ два съ половиною разбудилъ меня вѣстовой, говоря, что чай давно готовъ и что отрядъ сейчасъ выступить. Дѣлать было нечего: я неохотно покорился настоятельнымъ просьбамъ вѣстоваго, но, по выходѣ изъ землянки, рѣзкій ночной морозъ мигомъ прогналъ остатокъ моей сонливости. Принявъ свою новую команду, я повелъ взводъ за черту лагеря.

Войска, хотя уже выведенныя въ поле, были разбросаны въ безпорядкѣ, ожидая пріѣзда начальника и указанія мѣстъ. Баталіоны черными большими квадратами отдѣлялись на бѣломъ покровѣ снѣга. Немного въ сторонѣ тянулась темная полоса кавалеріи, выходившей изъ лагеря въ авангардъ; полоса эта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прерывалась частями конной артиллеріи, казавшейся издали небольшими кучками конныхъ казаковъ. Тамъ и сямъ, между баталіонами, стояли взводы пѣшей артиллеріи, остановленные на своемъ пути въ томъ порядкѣ, въ какомъ двигались. Адьютанты и ординарцы шныряли между войсками, отыскивая начальниковъ частей и передавая имъ приказанія. Въ воздухѣ стоялъ глухой шумъ отъ сдержаннаго говора нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Ближе къ баталіону шумъ дѣлался нѣсколько яснѣе: можно было различить смѣхъ, остроты, тихое похлопываніе грѣющихся солдатъ; однако все это дѣлалось безъ обычнаго крика, всему придавалась какая-то таинственность. Но вотъ ближайшія къ лагерю войска притихли; проѣхало главное начальство, отдавая окружающимъ приказанія; потомъ все задвигалось разомъ; адъютанты засуети-

тились еще болѣе; пѣхотныя части, сталкиваясь, пошли на назначенныя имъ мѣста; артилерійскія колеса завизжали по мерзлomu снѣгу и изъ разбросанныхъ войскъ образовалась стройная грозная масса. Шумъ опять стихъ; отъ пѣхоты отдѣлились небольшія команды въ боковыя цѣпи, и затѣмъ весь отрядъ, по командѣ „маршъ“, передаваемой въ полголоса, двинулся впередъ.

Отрядъ прошелъ небольшое пространство по направленію къ укрѣпленію Бѣлорѣченскому, и, повернувъ правымъ плечомъ, сталъ на правомъ берегу Бѣлой, фронтомъ къ рѣкѣ. Берега рѣки оказались замерзшими; но пробить ледъ было дѣломъ одной минуты, и нѣсколько сотенъ кавалеріи, быстро перейдя рѣку, заняли лѣвый берегъ.

Свѣтало. Отрядъ, стоявшій насупротивъ Курджупскаго ущелья, занялъ лѣвый берегъ и входъ въ ущелье кавалеріею и частью, перевезенной уже туда, пѣхоты. Пѣхота разбирала заваль, устроенный горцами поперекъ всего ущелья, отъ горы и до берега Курджупса; нѣсколько сотенъ кавалеріи занимали позицію впереди завала, въ самомъ ущельѣ; остальная кавалерія перевозила солдатъ на лѣвый берегъ рѣки. Заваль могъ служить превосходной защитой для горцевъ и, вѣроятно, постройка его стояла имъ большаго труда. Онъ состоялъ изъ двухъ плетней, расположенныхъ параллельно въ разстояніи аршина одинъ отъ другаго; промежутокъ между ними былъ заваленъ камнями, наружная сторона плетня, обращеннаго къ рѣкѣ, обсыпана землею. Нѣтъ сомнѣній, что если бы занятіе этой позиціи было произведено нами днемъ, то не обошлось бы безъ большаго числа убитыхъ и раненыхъ. Горцы, защищаемые заваломъ, почти безнаказанно били бы насъ во все время переправы и всегда имѣли бы возможность отступить въ ущелье, прикрываясь стрѣлками, расположенными въ лѣсу, на горѣ, отдѣляющей Бѣлую отъ Курджупса. Теперь же большая часть войскъ была уже въ ущельѣ, когда горцы замѣтили наше движеніе и увидѣли, что надо помышлять не о защитѣ позиціи, а о спасеніи своихъ семействъ и имущества изъ ближайшихъ ауловъ. По уничтоженіи завала, войска немедленно приступили къ разработкѣ спусковъ къ рѣкѣ и вырубкѣ лѣса по обоимъ берегамъ Бѣлой.

Къ вечеру весь отрядъ, съ обозомъ, расположился лагеремъ въ углу, образуемомъ впаденіемъ Курджупса въ Бѣлую.

Въ этотъ же день, когда значительная часть пѣхоты была переправлена на лѣвый берегъ рѣки, генералъ Козловскій (командовавшій войсками кубанской линіи и Черноморіи), съ частью кавалеріи, сдѣлалъ рекогносцировку Курджупскаго ущелья, бывшаго до сихъ поръ для насъ terra incognita.

Курджупское ущелье, довольно узкое при входѣ въ него, идетъ дальше постепенно расширяясь и верстахъ въ пятнадцати представляетъ уже довольно большую равнину, перерѣзываемую частыми изгибами рѣки того же названія. Гребень горъ, отдѣляющій это ущелье отъ Майкопскаго, былъ покрытъ густымъ лѣсомъ, въ особенности на сторонѣ, обращенной къ Майкопу. Верстахъ въ трехъ отъ входа въ ущелье, была небольшая конная тропа черезъ гору, выходившая насупротивъ самаго Майкопа, а немного далѣе арбяная дорога, тоже оканчивавшаяся насупротивъ Майкопа, но выше его. По гребню горъ была также дорога, разработанная горцами лѣтомъ, собственно для провоза своихъ орудій. На этой послѣдней дорогѣ, въ разныхъ мѣстахъ, были устроены три батареи, состоявшія изъ небольшой расчищенной площадки съ насыпью вмѣсто вала. Съ правой стороны такая же гора отдѣляетъ ущелье Курджупское сначала отъ Ханскаго ущелья, потомъ отъ долины, образуемой рѣкою Пшехою и ея притоками. Гора отходитъ отъ береговъ рѣки Курджупса, прилегая болѣе къ лѣвой сторонѣ ущелья, отчего образуется довольно широкая поляна, перерѣзанная поперечными лѣсистыми балками. Берега Курджупса были покрыты частыми аулами, свидѣтельствовавшими о густотѣ населенія.

Осмотрѣвъ на нѣсколько верстъ ущелье и указавъ, какія работы должны быть произведены немедленно, генералъ Козловскій въ тотъ же день возвратился въ Майкопъ, предоставивъ генералу Дебу распоряжаться отрядомъ. Потеря наша въ этотъ день состояла изъ нѣсколькихъ казаковъ раненыхъ при рекогносцировкѣ.

Начинало темнѣть, когда обозъ окончательно устроился въ лагерь и явилась возможность пробраться отъ одной палатки къ другой, не опасаясь наткнуться на коновязь, оглоблю, колесо или какой-нибудь артельный хламъ. Я сунулся было навѣстить лагерныхъ товарищей; но оттепель превратила нашъ бивуакъ въ такое болото, въ которомъ ноги вязли до колѣна. Отложивъ осмотръ лагеря и посѣщеніе товарищей до другаго

дня, я возвратился въ палатку, разбитую на кучѣ навоза. Обычная дробь и одна палка вызвали писарей къ ставкѣ начальника отряда. Вскорѣ они вернулись съ приказаніемъ, что „завтрашняго числа, въ пять часовъ утра, назначается колонна на рубку лѣса, подѣ командою полковника Кутневича“; затѣмъ слѣдовало исчисленіе частей, а въ концѣ было сказано: „до выступленія люди должны пообѣдать“.

Въ пять часовъ, колонна, подѣ командою полковника Кутневича, выступила изъ лагеря и, пройдя версты три вверхъ по рѣкѣ Курджупсу, остановилась противъ горной тропы. Оставивъ баталіонъ пѣхоты со взводомъ легкой артилеріи (*) внизу горы, полковникъ Кутневичъ повелъ остальныхъ войска горной тропой, расположилъ ихъ частями по дорогѣ, прикрылъ съ правой стороны цѣпью, со взводомъ горной артилеріи (**), и затѣмъ приказалъ начать работу. Было еще темно, какъ удары топоровъ, огласившіе лѣсъ, возвѣстили проспавшимъ горскимъ часовымъ, что гора занята. Выстрѣлы съ ихъ стороны дали знать жителямъ ущелья о движеніи нашихъ войскъ и вызвали всегда готовыхъ джигитовъ на мѣсто рубки. Осмотрѣвъ занятую нашими войсками позицію и убѣдись, что выдвинутый немного впередъ баталіонъ, оставленный у подошвы горы, можетъ отрѣзать имъ путь отступленія, въ случаѣ если бы они затѣяли перестрѣлку съ цѣпью, прикрывавшею рабочихъ, горцы обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами съ войсками расположенными внизу и, отойдя на вершину горы, оставались цѣлый день въ наблюдательномъ положеніи.

Здѣсь кстати будетъ сказать о начальникѣ колонны. Полковникъ Кутневичъ принадлежалъ къ числу самыхъ неутомимыхъ людей. Онъ никогда не ожидалъ, пока ему дадутъ какое-либо занятіе, но всегда старался отыскивать его и охотно предлагалъ свои услуги для выполненія всѣхъ возможныхъ порученій. Водить колонны была его страсть, и никто добросовѣстнѣе его не выполнялъ этого назначенія. Выступая непремѣнно въ назначенное, по приказу, время, онъ отдыхалъ не болѣе двухъ часовъ въ продолженіе цѣлаго дня. Постоянно можно было его видѣть разъѣзжающимъ на бѣлой лошади между рабочими или по цѣпи. Подѣ его начальствомъ никто не могъ зазѣваться; въ одно и то же время онъ былъ

(*) Легкой № 2 батареи 19-й артилерійской бригады (нынѣ наѣзанная батарея).

(**) Батареинная батарея 19-й бригады (нынѣ 2-я облегченная).

вездѣ и предупреждалъ всякую оплошность. Пѣхотные солдаты и офицеры его больно не долюбливали: „длинный козырекъ ѣдетъ“—такъ обыкновенно звали Кутневича солдаты, по причинѣ фуражки съ длиннымъ козырькомъ, которую онъ носилъ, чтобы защитить свои слабые глаза — и въ мигъ всѣ брались за топоры и лопаты и работа кипѣла. Въ дѣлѣ полковникъ былъ храбръ до увлеченія, всегда развѣзжалъ по цѣпи и ободрялъ солдатъ. Солдаты увѣряли, что козырекъ спасаетъ его отъ пуль. Дѣйствительно, можно было удивляться, какъ Кутневичъ оставался цѣлъ, и это удивленіе могло, пожалуй, породить оригинальное убѣжденіе солдатъ. Три адъютанта, состоявшіе при полковникѣ, были убиты или ранены одинъ за другимъ, такъ что генералъ Козловскій не позволилъ ему больше брать офицеровъ, и потому для посылокъ онъ имѣлъ при себѣ юнкера, который вскорѣ тоже былъ раненъ. Можно смѣло сказать, что половина работъ майкопскаго отряда была исполнена подъ непосредственнымъ надзоромъ Кутневича и что безъ него сработано было бы несравненно меньше.

4-го декабря работа шла быстро: горная тропа была обращена въ довольно сносную дорогу, лѣсъ съ правой стороны вырубленъ почти на ружейный выстрѣлъ, и въ шесть часовъ вечера колонна возвратилась въ лагерь, не потерявъ ни одного человѣка.

5-го числа полковникъ Кутневичъ продолжалъ вчерашнія работы. Горцы съ ужасомъ смотрѣли, какъ валится ихъ въковой лѣсъ, но не предпринимали наступательныхъ дѣйствій и ограничились, какъ и въ предыдущій день, незначительной перестрѣлкой съ резервами, расположенными подъ горой.

Одновременно съ этимъ движеніемъ, войска, оставшіяся въ Майкопѣ, занимались устройствомъ временнаго моста чрезъ Бѣлую, насупротивъ блокауза. Къ вечеру 6-го декабря онъ былъ кое-какъ оконченъ. Изъ нашего лагеря обычная колонна опять пошла оканчивать свои работы, а два батальона посланы для разработки дороги по лѣвому берегу Бѣлой, отъ лагеря до моста. Въ два часа огрядъ возвратился новой дорогой въ Майкопъ. Колонна полковника Кутневича прошла чрезъ ущелье, по устроенной имъ чрезъ гору дорогѣ.

При возвращеніи въ лагерь, мы имѣли возможность оцѣнить способность лошадей русской и черноморской породы переносить труды похода. Дивизионъ артилеріи 18-й бригады, запря-

женный красивыми русскими лошадьми, послѣ движенія, продолжавшагося три днѣ, и притомъ движенія чрезвычайно легкаго, явился въ такомъ видѣ, что смотрѣть жалко было на него. Лошади не могли вытащить орудія на возвышеніе въ 20—30 шаговъ длины, подъ угломъ паденія градусовъ 9 или 10. На спускъ и подъемъ артилеріи мы теряли много времени, потому что приходилось выпрягать лошадей и везти орудія и ящики людьми. Черноморскія же лошади проходили безостановочно эти самыя возвышенія. Дивизіонъ 18-й бригады, по возвращеніи въ Майкопъ, былъ отправленъ на дабинскую линію.

Съ этого времени вся дѣятельность войскъ майкопскаго отряда сосредоточилась на рубкѣ лѣса лѣваго берега Бѣлой и обращеннаго къ памъ ската горы. Лѣсъ былъ дорогъ для Майкопа, какъ строительный матеріалъ, который прежде приходилось брать довольно далеко въ Кругломъ или въ Длинномъ лѣсѣ. Каждый день назначалась колонна на гору и, въ добавокъ къ ней, высылались отъ частей войскъ, остававшихся въ лагерѣ, рабочіе для перевозки на транспортныхъ повозкахъ бревенъ. Вереница повозокъ тянулась съ утра до вечера чрезъ мостъ въ Майкопъ. Постройки въ крѣпости стали замѣтно подвигаться; въ разныхъ мѣстахъ показались чистенькіе рубленые домики офицеровъ Кубанскаго полка; вдоль фасовъ укрѣпленія вытянулись длинные казармы, изъ которыхъ одна, назначенная для временнаго госпиталя, была уже окончена; вездѣ начали обозначаться улицы. Провіантскій магазинъ занялъ почетное мѣсто надъ обрывомъ Бѣлой, а подъ обрывомъ, на отлогомъ берегу, появились пекарни и, необходимыя для русской натуры, бани. Въ солнечный теплый день начали показываться на улицахъ жены офицеровъ Кубанскаго полка, и крѣпостная жизнь, со своими беззатѣйными удовольствіями, началась во вновь устроенномъ укрѣпленіи.

Баталіоны Кубанскаго полка были уже расположены въ самой крѣпости; остальные войска находились въ лагерѣ, на прежнемъ мѣстѣ, правѣ укрѣпленія.

Колонны для рубки лѣса, какъ я сказалъ, высылались ежедневно; для прикрытія праваго фланга работъ въ то же время посылались кавалерійскія части, располагавшіяся на правомъ берегу Бѣлой, противу Курджунскаго ущелья, чтобы, въ случаѣ нападенія горцевъ, можно было отрѣзать имъ путь отступ-

ленія. Горцы внимательно слѣдили за нашими работами и выжидали, повидному, только случая помѣшать имъ.

10-го декабря колонна, по обыкновенію, выступила до разсвѣта и заняла мѣсто на горѣ безъ выстрѣла. Работы отошли уже далеко отъ ущелья, по которому тянулась горная тропа, и подвигались къ другому ущелью, гдѣ проходила изрядная арбяная дорога. По странной случайности, цѣпь заняла не вершину горы, какъ дѣлалось прежде, а была отодвинута внизъ на нѣкоторое разстояніе, такъ что не только Курджупское ущелье, но даже и скаты горы, обращенный къ нему, были совершенно закрыты отъ стрѣлковъ. Въ полдень, горцы, собравшись на противоположной сторонѣ, неожиданно заняли вершину хребта и бросились на цѣпь, состоявшую изъ 3-го баталіона Севастопольскаго полка, офицеры котораго, какъ говорили, собрались обѣдать. Севастопольскій полкъ, только что сформированный изъ линейныхъ баталіоновъ черноморской береговой линіи, надо сознаться, не отличался тогда боевой славой. 3-й баталіонъ, увидѣвъ толпу горцевъ, бросившихся въ пашки, смѣшался и повернулъ назадъ, открывъ рабочихъ. Преслѣдуя цѣпь, горцы обрушились на рабочихъ Кубанскаго полка, не успѣвшихъ бросить топоры и разобрать ружья. Ротный командиръ, капитанъ Потуловъ, собравъ около себя десятка три солдатъ, съ крикомъ ура бросился на горцевъ и отгѣснилъ ихъ въ лѣсъ; между тѣмъ, приведенный въ порядокъ своими офицерами, 3-й севастопольскій баталіонъ поддержалъ команду Кубанскаго полка и горцы должны были отступить на гребень. Здѣсь бой закипѣлъ опять. Съ обычнымъ умѣньемъ пользоваться мѣстностію, непріатель занялъ вершину горы и сильнымъ огнемъ удерживалъ наши войска въ почтительномъ разстояніи. Почему наша цѣпь, тѣсня горцевъ, не заняла тотчасъ же гребня горы, а остановилась на прежнемъ мѣстѣ, мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что сильная перестрѣлка продолжалась до тѣхъ поръ, пока генералъ Козловскій, выскочившій по первымъ выстрѣламъ почти со всею кавалеріею изъ Майкопа, не зашелъ въ тылъ горцамъ въ Курджупскомъ ущельѣ. Кавалерія на рысяхъ подскочила къ ближайшему аулу Сала-Ахметъ и, занявъ его почти безъ выстрѣла, зажгла со всѣхъ концовъ. Увлеченные перестрѣлкой съ цѣпью, прикрывавшею дровосѣковъ, горцы сначала мало обратили вниманія на движеніе нашей кавалеріи, имѣя конечно

въ виду, что высоты, занимаемыя ими, недоступны для конницы, и что они всегда могут отступить по вершинѣ горы, покрытой сплошнымъ лѣсомъ; но когда увидѣли, что ближайшій аулъ горитъ и что кавалерія направляется вверхъ по Курджупсу, то немедленно прекратили перестрѣлку и съ воплемъ бросились къ своимъ жилищамъ. Наша цѣпь, вслѣдъ за отступленіемъ ихъ, заняла вершину, а генералъ Козловскій, видя, что его движеніе принесло желаемый результатъ, оставивъ до вечера небольшую наблюдательную колонну въ Курджупскомъ ущельѣ, съ остальною кавалеріею возвратился въ лагерь.

Потеря наша въ этотъ день была довольно значительная. Длинный рядъ носилокъ потянулся съ горы въ укрѣпленіе и былъ встрѣченъ въ воротахъ сердобольными женщинами, вышедшими посмотреть на перестрѣлку. Нѣкоторые изъ нихъ, въ числѣ раненыхъ и убитыхъ, находили своихъ мужей или родственниковъ и тогда носилки сопровождались до госпиталя всхлипываніями и причитываніями. Другихъ никто не провожалъ и никому до нихъ не было дѣла, развѣ какая словоохотливая баба спроситъ: „ахъ покойникъ?“ на что, по большей части, получала грубый отвѣтъ: „*видио глаза выплыли; видишь, съ яловой*“.... Лаконизмъ нашихъ солдатъ до того иногда бываетъ теменъ, что невольно требуетъ разъясненія. Услышавъ подобный отвѣтъ, я обратился къ стоявшему около меня солдату и получилъ слѣдующее разъясненіе: „стало быть, померъ, ваше благородіе; извольте видѣть съ головой закрытъ, ну, и значить покончился.“

Сколько я замѣтилъ, солдаты, несущіе раненаго или убитаго, на вопросы отвѣчаютъ всегда неохотно и раздражительно. Присутствіе мертваго или страдающаго чловѣка дѣлаетъ ихъ угрюмыми, желчными и не то чтобы горе, а скорѣе ожесточеніе проглядываетъ въ каждомъ ихъ словѣ, въ каждомъ движеніи. Они злятся на непріятеля—причину несчастія; на начальство—затѣявшаго перестрѣлку, по ихъ мнѣнію, для того только, чтобы самому отличиться; на присутствующихъ—въ вопросахъ которыхъ видятъ не участіе къ страдальцу, а простое любопытство. Солдату больно, что смерть собрата, на мѣстѣ котораго, статья можетъ, онъ самъ будетъ завтра, не возбуждаетъ ничего, кромѣ любопытства, и подъ вліяніемъ такого чувства онъ никогда не оставитъ безнаказаннымъ про-

стое любопытство. „Смотри, братъ, видно раненаго еще не видалъ“, скажетъ онъ, обращаясь къ кому-нибудь, или, скажетъ въ сторону, безлично: „и чего, Господи, смотреть, только душу усопшаго тревожатъ“. А посмотрите, какими заботами и попеченіемъ окружаютъ солдаты раненаго товарища! Последнюю кроху удѣляютъ для того, чтобы исполнить прихоть страдальца. Часто случается, что солдатъ идетъ въ госпиталь провождать почти незнакомаго ему человѣка, какого-нибудь земляка, съ которымъ въ крестьянскомъ быту и не видывался. Нѣсколько разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ приходилъ фейерверкеръ просить, отъ всей артели, позволенія послать кого-нибудь съ колонной въ Бѣлорѣченскую (куда начали отправлять больныхъ, по причинѣ большаго ихъ числа въ майкопскомъ госпиталѣ) узнать о здоровьѣ какого-нибудь Пименова или Филимонова. На вопросъ: „родня ему кто-нибудь изъ васъ?“ всегда былъ отвѣтъ: „какой родня! у него никого нѣтъ! да вотъ, слава Богу, сколько лѣтъ служимъ вмѣстѣ, такъ почитай лучше родныхъ стали“. И дѣйствительно, можно безошибочно сказать, что товарищескія отношенія нашихъ солдатъ прочіе родственныхъ, которыя зачастую измѣняются въ продолжительный срокъ службы.

Послѣ 10-го декабря горцы не препятствовали нашимъ работамъ. Гору продолжали очищать отъ лѣсу; земляной предмостный блокгаузъ замѣнили рубленнымъ; другой точно такой же былъ поставленъ ниже Майкопскаго укрѣпленія, такъ что изъ него можно было наблюдать за Курджупскимъ ущельемъ. Войска работали неутомимо какъ въ самомъ укрѣпленіи, такъ и внѣ его. Каждый день, до зари, одна колонна выступала на гору, а другая или въ Бѣлорѣченское укрѣпленіе, отвозя туда больныхъ и раненыхъ и привозя оттуда провіантъ, или въ станицу Тенгинскую, откуда тоже шла доставка провіанта. Последнія командировки были самыя тяжелыя для солдатъ. Отправляясь въ колонну на два (въ Бѣлорѣченское) или на четыре дня (въ Тенгинскую), солдаты оставались все это время подъ открытымъ небомъ, безъ палатокъ и часто безъ горячей пищи. Въ лагерѣ у нихъ были хотя какія-нибудь землянки, дававшія, послѣ утомительной дневной работы, теплый пріютъ въ холодныя зимнія ночи; въ колоннахъ же приходилось цѣлую ночь дрогнуть подъ шинелью предъ самымъ скуднымъ костромъ, такъ какъ лѣсъ въ окрестностяхъ ночлеговъ былъ

вырубленъ на большое разстояніе. Шинели же, да и вообще одежда и обувь солдатъ, особенно бывшихъ въ отрядѣ съ апрѣля мѣсяца, такъ обветшали, что не могли защитить отъ непогоды. Въ отрядѣ уже начали появляться обмороженные. Каждая колонна доставляла двухъ-трехъ человѣкъ, которые и были единственными выбывавшими изъ строя въ періодъ съ 10-го по 23-е декабря.

Къ этому числу снѣгъ выпалъ почти въ поларшина и морозы настали русскіе—крещенскіе. Хотя и слѣдовало бы прекратить всякія работы и посылку колоннъ, но обстоятельства, которыхъ не сумѣли предугадать и устранить, сложились такъ, что измѣненіе принятаго порядка могло оставить войска безъ провіанта и фуража. Сѣно, заготовленное войсками отряда на зиму, приходило къ концу. Неразсчетливый призывъ кавалеріи, конной и пѣшей артилеріи (отрядъ генерала Войтицкаго) къ началу зимняго періода, помогъ уничтоженію экстреннаго сѣна. Уже съ 15-го декабря уменьшили обыкновенную дачу лошадямъ, а потому генераль Козловскій обратился къ удачно прилагавшемуся прежде способу продовольствовать отрядъ запасами, сдѣланными горцами. Отъ этою цѣлью была назначена колонна подъ начальствомъ полковника Преображенскаго (нынѣ генераль-маіоръ), въ составѣ пяти или шести баталіоновъ пѣхоты, двухъ взводовъ пѣшей артилеріи, четырехъ сотенъ казаковъ, взвода конной артилеріи и нѣсколькихъ милиціонеровъ, въ качествѣ проводниковъ.

Колонна выступила изъ отряда послѣ обѣда 22-го декабря. Чтобы скрыть настоящую цѣль движенія, она пошла по дорогѣ между Длиннымъ и Круглымъ лѣсомъ, служившей прежде путемъ сообщенія съ Тенгинскою станицею. Въ сумерки колонна, пройдя оконечность Длиннаго лѣса, повернула направо и направилась къ рѣкѣ Уль. Движеніе ея было чрезвычайно медленно: изнуренныя транспортныя лошади становились на каждомъ шагѣ; глубокій снѣгъ, отъ сильныхъ морозовъ, обратился въ сыпучую массу, такъ что ноги тонули будто въ глубокомъ пескѣ. Кавалерія, шедшая впереди, чтобы протоптывать дорогу для пѣхоты, не могла, при такихъ условіяхъ, принести надлежащей пользы, и каждому солдату приходилось пробивать себѣ дорогу и перемалывать собственными ногами сыпучій снѣгъ. Несмотря на сильный морозъ, солдаты были въ поту отъ такой утомительной работы. Къ несчастію, сѣна

на Улѣ, гдѣ, по словамъ милиціонеровъ, былъ большой запасъ, оказалось всего нѣсколько копѣекъ; нужно было отыскивать его дальше. Въ добавокъ, Улѣ, образующійся изъ теплыхъ родниковъ, покрылся лишь тонкимъ льдомъ, который проламывался подъ кавалеріей, такъ что пѣхота должна была перейти рѣку въ бродѣ.

Перейдя рѣку Улѣ, колонна остановилась; милиціонеры поѣхали отыскивать сѣно. Усталые, вспотѣвшіе люди были сразу охвачены морозомъ, доходившимъ до 30°, и въ теченіе слишкомъ двухчасовой остановки солдаты напрасно топтались на одномъ мѣстѣ или бѣгали взадъ и впередъ, стараясь отогрѣть застылавшія ноги. Нѣкоторые изъ нихъ падали въ изнеможеніи и засыпали навѣки. Колонный начальникъ, полковникъ Преображенскій, ознобивъ ноги, сдалъ начальство другому штабъ-офицеру, который, въ свою очередь, сдалъ третьему, такъ что наконецъ трудно было отыскать колоннаго начальника. Какъ ни терпѣливы кавказскіе солдаты, однако и они начали поговаривать, что изъ-за какихъ-нибудь пятидесяти копѣекъ сѣна не стоило выносить такой холодъ и, забывъ запрещеніе разводить костры, свалили съ транспортныхъ саней сѣно, взятое нами, не доходя Ули, и зажгли его. Но какъ этотъ запасъ топлива исчезъ скоро, то, послѣ пріятнаго тепла, холодъ почувствовался еще сильнѣе. Обмороженныхъ нижнихъ чиновъ стали складывать на сани и прикрывать попонами, рогожами, всѣмъ что оказалось подъ рукой. Наконецъ, число ихъ дошло до того, что офицеровъ, пострадавшихъ отъ ознобленія, принуждены были перекладывать и пересаживать съ саней на артилерійскіе лафеты и передки. Колонна, потерявъ терпѣніе, повернула къ Майкопу. Арьергардныя части первыя тронулись въ обратный путь; за ними, гуськомъ, потянулись остальные войска. Жестокій морозъ и рѣзкій вѣтеръ кололи лице словно иглами и мы, понутивъ головы, мѣрно отмѣривали шагъ за шагомъ, не зная даже, по какому направленію идемъ. Поднявшаяся мятель засыпала намъ слѣдъ; войска шли ощупью, протапывая себѣ новую дорожку. Въ это время слышалось нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Предполагая, что выстрѣлы сдѣланы въ лагерь, мы повернули по тому направленію, откуда они доносились. Заря застала насъ насупротивъ оконечности длиннаго лѣса, при спускѣ къ Майкопу, верстахъ въ семи отъ послѣдняго. Видъ лагеря ободрилъ войска. Тѣ, которые чувствовали себя здоровыми,

могли по крайней мѣрѣ разсчитывать, что ночное бѣдствіе ихъ окончилось и что они прійдутъ цѣлыми въ свои землянки. Передъ Майкопомъ намъ приказано было остановиться за чертою лагеря, для того чтобы частные начальники могли произвести осмотръ людей. Всѣхъ съ обмороженными членами вѣрно было отнюдь не впускать въ землянки, но оттирать снѣгомъ или заставить ихъ держать окоченѣвшіе члены въ холодной водѣ до тѣхъ поръ, пока на тѣлѣ не покажутся ледяныя иглы. Я былъ въ числѣ тѣхъ, на долю которыхъ выпали холодныя ванны и могу засвидѣтельствовать, что это довольно изрядная пытка. Въ первое время я не чувствовалъ никакой боли, кромѣ чрезмѣрной усталости и непреодолимаго сна; но когда ноги мои начали немного оттаивать, то я ощутилъ такую нестерпимую боль, какъ будто ихъ медленно сдавливали между досками. Самая крѣпкая натура, я увѣренъ, не выдержитъ этой операціи безъ слезъ.

Сколько оказалось ознобленныхъ собственно въ нашей колоннѣ, не могу опредѣлить точно, такъ какъ они были въ эту ночь въ трехъ колоннахъ, и части полковъ и батарей входили въ составъ каждой изъ нихъ; но можно безошибочно сказать, что треть помороженныхъ выпала на долю нашей колонны.

Въ тотъ же день, 22-го декабря, другая колонна возвращалась изъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія, куда ходила для встрѣчи оказіи изъ станицы Тенгинской, доставлявшей въ отрядъ разныя съѣстные продукты. Колонна эта выступила изъ укрѣпленія Бѣлорѣченскаго часовъ около десяти утра и, дойдя до Камприсскаго лѣса, сдѣлала привалъ. Поднявшись съ привала довольно поздно и къ ночи пройдя лѣсъ, она сбилась съ дороги. Отыскивать дорогу было некому, потому что кавалерія была отпущена впередъ (*), а пѣшіе солдаты, бродя ощупью изъ стороны въ сторону, выбились изъ силъ. Люди рѣшились идти по тому направленію, гдѣ, какъ они предполагали, долженъ былъ находиться Майкопъ. Пройдя верстъ пять и не видя лагерныхъ огней, передніе люди убѣдились, что взятое ими направленіе невѣрно, а потому остановились. Къ счастью, въ эту критическую минуту проѣзжалъ въ отрядъ генералъ-маіоръ Тихоцкій (командиръ Тверскаго драгунскаго полка). Видя от-

(*) Бывшія при этой колоннѣ двѣ сотни казаковъ отпробѣлялись у колоннаго начальника, подполковника Шышкинча, поохотиться въ Камприсскомъ лѣсу и уже оттуда прибыть въ лагерь прямою дорогой.

чайное положеніе колонны и узнавъ, что колонный начальникъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, генералъ вышелъ изъ экипажа и принялъ начальство надъ колонной. Послѣ безполезнаго отыскиванія дороги, онъ приказалъ взводу артилеріи сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ.

Выстрѣлы были услышаны въ лагерѣ, гдѣ, послѣ прихода сотенъ, съ безпокойствомъ ожидали прибытія колонны. Крѣпостная артилерія отвѣчала тотчасъ же. Оказалось, что Майкопъ былъ недалеко отъ блуждавшей колонны. Такимъ образомъ, сдѣланные по приказанію генералъ-маіора Тихоцкаго выстрѣлы спасли двѣ колонны: подполковника Шишкевича и полковника Преображенскаго. Число обмороженныхъ въ колоннѣ Шишкевича, несмотря на то, что она была гораздо меньше колонны Преображенскаго, оказалось значительнѣе нежели въ послѣдней.

Третья колонна, подъ командою полковника Моренца (бывшаго командира Ставропольскаго пѣхотнаго полка, нынѣ генералъ-маіора), ночью съ 22-го на 23-е декабря выступила изъ лагеря для рубки лѣса на противоположной горѣ. Эта колонна къ утру прислала въ лагерь тоже обмороженныхъ, но въ числѣ несравненно меньшемъ противу двухъ первыхъ колоннъ.

Вообще всѣ три колонны доставили до 1,200 человекъ обмороженныхъ, требовавшихъ или продолжительнаго леченія, или ампутаціи членовъ. Не ручаюсь за безусловную точность этой цифры, потому не имѣю подъ рукою офиціальныхъ источниковъ; но, судя по числу людей, выходившихъ на работы и въ прикрытіе ихъ, позволительно думать, что приведенное число не преувеличено, а скорѣе уменьшено. Молва насчитывала обмороженныхъ до 3,000 человекъ.

Лагерь нашъ, послѣ 23-го декабря, обратился въ огромный госпиталь; въ каждой части было очищено по одной, по двѣ землянки, для помѣщенія больныхъ. Майкопскій госпиталь былъ переполненъ, а потому нашлись вынужденными оставить навремя больныхъ при частяхъ. Присмотръ за ними, конечно, не могъ быть такъ хорошъ, какъ въ госпиталяхъ. Войска каждый день назначались въ колонны или на рубку лѣса, и могли, при больныхъ, оставлять самое ограниченное число людей, да и то по большей части изъ менѣе обмороженныхъ. Часто начинали слышаться унылые звуки рожка или флейты, наигрываав-

шихъ печальную симфонію—послѣднюю почесть солдату. Было двое или трое похоронъ офицерскихъ.

Послѣдствія ночи съ 22-го на 23-е декабря, по наружности, ничѣмъ не отразились на обычномъ распредѣленіи занятій войскъ. Какъ и прежде, каждый день высылались колонны, съ тою только разницею, что число баталіоновъ было назначаемо больше нежели до 22-го декабря, потому что численный составъ каждого баталіона значительно уменьшился. Многіе баталіоны выходили въ 200 и даже въ 175 человекъ и командовали ими оберъ-офицеры, иногда въ поручищемъ чинѣ. Это не доказываетъ, впрочемъ, чтобы недостающіе чины всѣ должны были, вслѣдствіе обмороженія, оставить службу: многіе изъ нихъ появились во фронтѣ черезъ двѣ-три недѣли или черезъ мѣсяцъ; но въ первые дни число обмороженныхъ и ознобленныхъ было чрезвычайно велико. Изъ офицеровъ, серьезно обмороженныхъ, т. е. поплатившихся какими-нибудь членами или двухмѣсячнымъ лежаніемъ въ постелѣ, было до 15 человекъ.

Если значительное число обмороженныхъ не измѣнило порядка назначенія на работы, за то оно грустно отозвалось на нашихъ праздничныхъ удовольствіяхъ. Конечно, удовольствія не могли быть разнообразны, но все-таки посѣщеніе трехъ-четырехъ семействъ и разговоръ, выходящій изъ рамки служебной дѣятельности, радовали людей, восемь или девять мѣсяцевъ незнавшихъ никакого развлеченія. И что же насъ ожидало въ рождественскіе праздники? Наши визиты обратились въ посѣщеніе страждущихъ. Вездѣ встрѣчались лица, истомленные мученіями; вездѣ слышался одинъ и тотъ же печальный разговоръ о постигшемъ несчастіи, сѣтованія, что не было принято мѣръ ни къ предупрежденію бѣды, ни къ облегченію страдальцевъ. Жалобы на послѣднее были неосновательны: при всемъ желаніи облегчить страданія больныхъ, отрядное начальство ничего не могло сдѣлать въ скоромъ времени. И на мысль никому не приходило, чтобы въ лагерь собралось столько обмороженныхъ; стало быть и приготовить разомъ все необходимое для подавія имъ помощи не было возможности. Лучшее лекарство въ подобномъ случаѣ, гусиный жиръ, надлежало выписывать изъ ст. Тенгинской, болѣе чѣмъ за 50 верстъ. Здоровые очень хорошо понимали неосновательность жалобы, но убѣдить больныхъ было трудно.

На 26-е декабря былъ назначенъ новый походъ, съ цѣлью продолжить чрезъ гору удобную дорогу и проську для соеди-

ненія Курджупскаго ущелья съ Майкопскимъ, минуя самое укрѣпленіе, такъ чтобы войска наши во всякое время могли появиться въ Майкопскомъ ущельѣ и двигаться вверхъ по лѣвому берегу Бѣлой, не переходя рѣки въ бродъ, что при полноводіи было невозможно. Вѣроятно, кромѣ цѣли обезпечить отъ начальныхъ нападеній укрѣпленіе и сдѣлать въ послѣдній періодъ зимнихъ дѣйствій отрядъ болѣе подвижнымъ, генераль Козловскій имѣлъ въ виду удалить войска изъ лагеря, гдѣ отъ накопленія больныхъ могли развиться болѣзни, и поддержать моральное настроеніе солдатъ, потрясенное катастрофой 23-го декабря.

26-го декабря отрядъ потянулся, чрезъ мостъ, въ Курджупское ущелье. Обогнувъ гору и пройдя верстъ шесть вверхъ по р. Курджупсу, онъ расположился лагеремъ противъ мѣста, гдѣ назначалось провести дорогу. 27-го приступили къ работѣ дороги и рубкѣ просѣкъ, которыя, безъ всякихъ стычекъ съ горцами, были окончены 30-го декабря. 31-го декабря прибылъ въ отрядъ генераль Козловскій, произвелъ, съ большою частью войскъ, движеніе вверхъ по рѣкѣ Курджупсу, приказавъ вырубить лѣсъ и сады, прилегавшіе къ дорогѣ, сжегъ ближайшіе хутора по берегу рѣки и, потерявъ нѣсколькихъ человекъ, возвратился въ лагерь. Отсюда войска тотчасъ же снялись и перешли въ Майкопъ.

Обмороженныхъ въ лагерьѣ оставалось немного; большую часть ихъ перемѣстили въ майкопскій госпиталь, откуда выздоравливающихъ отправили въ Бѣлорѣченское укрѣпленіе. Уныніе, овладѣвшее солдатами послѣ 23-го декабря, исчезло вмѣстѣ съ удаленіемъ изъ лагеря больныхъ, и войска приготовлялись весело встрѣтить и провести первый день новаго года. Спустя нѣсколько часовъ послѣ прихода войскъ, появились ряженые; разыграна была комедія, въ которой молодой солдатикъ исполнялъ роль „непокорнаго сына Альфреди“; кругомъ лагеря начали развѣзжать троечные сани; въ офицерскихъ землянкахъ затѣялись пирушки и раскрылись для карточной игры походные столы, съ приклееннымъ съ помощію сургуча листомъ бумаги, вмѣсто сукна. Всѣ старались быть веселы и забыть прошлыя невзгоды, надѣясь на лучшее будущее. Увы! для нѣкоторыхъ это будущее было очень коротко: раньше конца перваго мѣсяца новаго года они уже переселились къ праотцамъ.

II.

Послѣ перваго дня 1858 года, проведеннаго въ официальныхъ и частныхъ визитахъ, 2-го января начались прежнія занятія отряда. Вся дѣятельность войскъ сосредоточилась опять на противоположной горѣ. Около 10-го января отряду назначено было выступленіе. Такъ какъ экспедиція должна была протянуться до конца зимняго періода дѣйствія, то необходимо было обезпечить майкопскій гарнизонъ стропильнымъ матеріаломъ и топливомъ, вывозимымъ съ лѣваго берега Бѣлой.

3-го января, въ то время когда войска, недопуская никакого сопротивленія со стороны горцевъ, безпечно были заняты рубкою лѣса на горѣ, нѣсколько выстрѣловъ въ наблюдательномъ отрядѣ, располагавшемся, какъ я уже сказалъ, противу Курджупскаго ущелья, дали знать о появленіи непріятеля. Генералъ Козловскій, взявъ два баталіона пѣхоты, взводъ резервной батарейной батареи и нѣсколько сотенъ и эскадроновъ кавалеріи, переправился чрезъ р. Бѣлую по мосту и лѣвымъ берегомъ двинулся внизъ по рѣкѣ къ угрожаемому пункту. Опасность оказалась еще далеко. Горцы собрались въ значительномъ числѣ на лѣвой сторонѣ р. Курджупса и начали переправу, вѣроятно съ цѣлью напасть на правый флангъ и тылъ рубщиковъ лѣса, которые охранялись всегда наблюдательными пѣхотными постами и кавалерійской колонной. Видя присутствіе войскъ въ углу между р. Курджупсомъ и Бѣлой, горцы прекратили переправу и, занявъ лѣсистый берегъ рѣки и прилежащую горную возвышенность, завязали перестрѣлку съ нашею цѣпью, расположившеюся вдоль праваго берега.

Въ то время превосходство горской винтовки предъ нашимъ пѣхотнымъ ружьемъ дѣлало подобный бой неравнымъ: мы могли рассчитывать на большую потерю, зная, что горцы не понесутъ никакой. Позиція ихъ была хороша: скрытые большими деревьями, они не страдали не только отъ нашего ружейнаго огня (наши пули къ нимъ почти и не долетали), но даже и отъ картечи двухъ батарейныхъ орудій: приготовленіе и отходъ орудійной прислуги предупреждали горцевъ о грозящей опасности и они скрывались за прикрытіемъ. Наши же войска, стоя на открытомъ мѣстѣ, служили превосходною цѣлью. Къ сожалѣнію, до окончанія работъ колонною, рубившею лѣсъ, отступленіе нашей цѣпи было невозможно; иначе горцамъ открылась бы переправа чрезъ Курджупсъ. Да и гор-

цамъ не хотѣлось, подѣ артилерійскимъ огнемъ, отступать на открытую вершину горы, и волей — неволей обѣ стороны должны были держаться на занятыхъ ими позиціяхъ. Такимъ образомъ перестрѣлка длилась до отступленія нашей цѣпи, послѣдовавшей за отступленіемъ колонны, рубившей лѣсъ. Горцы преслѣдовали отступающихъ бранью, но не рискнули переправиться чрезъ Курджупсъ. Благодаря дальнострѣльности горскихъ винтовокъ потеря наша была вовсе не соразмѣрна съ урономъ противника. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ лазутчиками, у нихъ былъ всего одинъ раненый, тогда какъ наша потеря превышала десять человѣкъ. Въ числѣ раненыхъ былъ юнкеръ, исполнявшій должность адъютанта при полковникѣ Кутневичѣ.

Здѣсь кстати сдѣлать маленькое замѣчаніе. Сказанное мною выше о превосходствѣ горскихъ винтовокъ предѣ нашимъ оружіемъ, противорѣчитъ словамъ графа Д. Добровольскаго-Евдокимова (*). Онъ говоритъ: „правда, во время покоренія Кавказа съ 1856 по 1864 годъ, дѣла ослабѣли, но благодаря превосходству нашего вооруженія и маневрамъ, а не упадку непріятеля: куда же было горцамъ тягаться съ нашими нарѣзными ружьями!“ Замѣчаніе это въ существѣ своемъ вѣрно, но 1856 годъ выставленъ неправильно. Всѣ, бывшіе въ майкопскомъ отрядѣ въ 1857 году, могутъ засвидѣтельствовать, что, въ то время, изъ войскъ, входившихъ въ составъ отряда, нарѣзными ружьями (именно литихскими штуцерами) былъ вооруженъ только одинъ 19-й стрѣлковый баталіонъ. Въ продолженіе лѣта присылалось поочередно по одной ротѣ этого баталіона, а въ зимній періодъ баталіонъ былъ весь подѣ командою полковника Позняка. Стрѣлковыя роты баталіоновъ были вооружены тогда ударными ружьями, съ прицѣломъ для дальней дистанціи, и стрѣляли цилиндро-сферическими пулями. Всѣ же остальные роты имѣли ударныя ружья, а нѣкоторые даже и кремневыя, чѣмъ конечно объясняется та отчаянная храбрость горцевъ, какою они отличались въ перестрѣлкахъ 1857 и 1858 годовъ. Только къ концу 1858 и къ началу 1859 годовъ стрѣлковыя роты войскъ праваго фланга были вооружены нарѣзными ружьями, семилинейнаго калибра. Нужно слѣдовательно предполагать, что замѣчаніе графа Д. Добро-

(*) См. „Военный Сборникъ.“ № 11 1866 года: „По поводу статьи дѣйствит. и занятіи войскъ средне-азіатскаго отряда“ стр. 59.

вольскаго-Евдокимова относится до войскъ лѣваго крыла и закавказскихъ, которые могли быть вооружены наръзными ружьями еще въ 1856 году, такъ какъ перемѣна вооруженія всегда начиналась съ этихъ войскъ.

4-го и 5-го января работы производились безъ столкновений съ горцами. Обыкновенная торжественность церковной службы 6-го января увеличилась для майкопскаго отряда освященіемъ крѣпости. За молебствіемъ и парадомъ на площади крѣпости (нынѣ церковной), слѣдовало освященіе воды, сопровождавшееся пальбой изъ крѣпостныхъ орудій. Не зная причины пальбы, горцы собрались на горѣ и заставили холостые заряды перемѣнять на боевые; нѣсколько посланныхъ гранатъ и ядеръ принудили толпу разойтись. Остатокъ дня проведенъ былъ войсками въ весельи, по русскому обычаю. Далеко за полночь еще слышенъ былъ тулумбасъ, раздавался пискъ кларнетовъ и нестройные голоса пѣсенниковъ; наконецъ весь этотъ гамъ завершился пальбою изъ орудій, доказывавшей, что и начальство веселится.

10-го января отрядъ, почти въ полномъ составѣ, двинулся опять въ Курджупское ущелье. По причинѣ глубокаго снѣга, войска медленно тянулись гуськомъ и скрывались изъ виду, огибая гору. Тяжелый подъемъ артельного колеснаго обоза, наваленнаго всевозможнымъ хламомъ, чрезвычайно затруднялъ движеніе колонны. Авангардъ пришелъ уже на позицію, гдѣ предполагалось сдѣлать ночлегъ, а аріергардъ только-что выступалъ изъ Майкопа. Первый ночлегъ былъ противу просѣки сдѣланной въ послѣднихъ числахъ декабря. 10-го же числа къ отряду прибылъ генералъ-лейтенантъ Козловскій и на другой день намъ предстояло начать движеніе вверхъ по Курджупсу.

Движеніе имѣло цѣлью осмотрѣть Курджупское ущелье; но въ тоже время рѣшили произвести рекогносцировку въ ущельѣ рѣки Пшехи отрядомъ генералъ-маіора Войцицкаго. Этотъ послѣдній отрядъ начиналъ движеніе отъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія и, идя вверхъ по Пшехѣ, долженъ былъ встрѣтиться съ майкопскимъ отрядомъ на мѣстѣ соединенія двухъ ущелій. Выступленіе отряда генералъ-маіора Войцицкаго было назначено въ одно время съ нашимъ выступленіемъ изъ Майкопа.

Движеніе обѣихъ колоннъ не могло не встрѣтить сильнаго сопротивленія со стороны горцевъ. Какъ та, такъ и другая вступали въ самыя населенныя мѣста. И безъ того значитель-

ное число жителей этихъ ущелій увеличилось въ послѣднее время населеніемъ разоренныхъ ауловъ, бывшихъ по р. Бѣлой и при входѣ въ Курджупское ущелье. Частое появленіе большихъ партій въ виду отряда, постоянные дневные и ночные пикеты непріятеля, на окрестныхъ горахъ, густые столбы дыму, появлявшіеся въ ближайшихъ аулахъ—все доказывало, что горцы или не предвидѣли нашего движенія въ глубину ущелья, или думали упорнымъ сопротивленіемъ заставить отрядъ отказаться отъ предположенной цѣли. Вечеромъ 10-го января мы замѣтили усиленную дѣятельность горцевъ по дорогѣ нашего наступленія.

11-го января отрядъ двинулся впередъ. Съ перваго же шагу раздалась выстрѣлы горцевъ, и конныя толпы ихъ, медленно отступая предъ войсками, какъ бы указывали намъ путь на переправы чрезъ Курджупсъ. Вскорѣ отрядъ дѣйствительно долженъ былъ остановиться предъ рѣкою, дѣлающею въ этомъ мѣстѣ крутой поворотъ нѣко и перерѣзывающей все ущелье. Съ правой стороны отряда открылся аулъ, судя по суетѣ горцевъ, еще не совсѣмъ брошенный. Такъ какъ аулъ находился на правомъ берегу, то цѣпь была подвинута впередъ и усилена двумя взводами артилеріи; кавалеріи же приказано было его уничтожить. Давно ожидавшая этого приказанія, кавалерія понеслась къ аулу и чрезъ нѣсколько минутъ онъ запылалъ подъ звуки частой перестрѣлки. Суетившіеся около аула горцы, видя, что здѣсь дѣло покончено, отправились на подкрѣпленіе тѣхъ своихъ товарищей, которые беспокоили правую цѣпь изъ лѣса, находившагося въ углѣ, образуемомъ поворотомъ Курджупса и приближавшагося къ дорогѣ. Картечь не позволяла имъ выйти на опушку лѣса, а потому, скрывшись въ глубинѣ его, горцы открыли почти безвредную для насъ пальбу. Заулыбанный звонъ долетавшихъ до насъ на излетѣ пуль возбуждалъ смѣхъ и остроты солдатъ: „слышь, братъ! сиротка летитъ! вишь какъ жалобно воетъ!“ Иногда, впрочемъ, сиротка задѣвала кого-нибудь въ толпѣ; жалобный звонъ ея оканчивался тяжелымъ шлепкомъ и вслѣдъ за тѣмъ слышался стонъ раненаго. Тогда въ рядахъ начиналась суматоха, раздавалось нѣсколько голосовъ, кричавшихъ „носилки“, раненаго уносили и толпа опять смыкалась. „Вишь, проклятая, таки своего нашла“, замѣчали солдаты, и при этомъ, иногда, можно было слышать разсказъ о предчувствіяхъ раненаго, напримѣръ, какъ ему се-

годня снилась какая нибудь, давно умершая, бабка или мать и все звала его къ себѣ. Отсюда, конечно, выводилось заключеніе, что раненый вѣроятно не переживетъ дня и его заранѣе считали покойникомъ.

Вообще, когда солдаты находятся подъ выстрѣлами непріятеля, не будучи сами заняты, каждый раненый производитъ на нихъ тяжелое впечатлѣніе. Оно и весьма естественно: смерть или рана товарища напоминаетъ послѣдній смертный часъ, который можетъ, для каждаго изъ нихъ, пробить такъ же неожиданно, какъ пробилъ для какого-нибудь Филимопова или Алексѣева; невольно, при этой мысли, вспоминается прежняя беззаботная сельская жизнь и, какъ бы для контраста съ нею, выступаетъ жизнь въ солдатскомъ быту, полная лишеній, всевозможныхъ тревогъ и безъ всякаго родственнаго участія. Каждому солдату припоминаются близкіе дорогіе, оставленные имъ надолго, а быть можетъ и навсегда; праздное безпокойное воображеніе усиленно рисуетъ по этой канвѣ и, разумѣется, такіе рисунки не развлекутъ и не развеселятъ человѣка. Самые испытанные храбрецы и забубенные люди, способные лѣзть очертя голову въ какую угодно свалку, дѣлаются въ это время серьезными и готовыми остановить остроу и шутку новичка, желающаго похрабриться.

Спускъ къ Курджупсу и подъемъ были уже раздѣланы и отрядъ, перейдя рѣку, расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу. Тотчасъ же были назначены войска для рубки лѣса въ окрестностяхъ лагеря, и преимущественно на лѣвой горѣ, близко подходящей къ дорогѣ. Здѣсь явилась забота начальниковъ артилерійскихъ и кавалерійскихъ частей. Взятое изъ Майкопа сѣно было израсходовано; оказалось необходимымъ посылать команды въ лѣсъ за сборомъ сухихъ листьевъ и мелкихъ прутьевъ, чтобы хотя что нибудь закладывать лошадямъ въ коновязь, на время длинной морозной ночи.

Вопросъ о довольствіи лошадей всегда служилъ темою разсказовъ собравшихся артилерійскихъ и кавалерійскихъ офицеровъ. Это до того вошло въ обыкновеніе, что возбуждало даже насмѣшки офицеровъ другихъ частей. Для тѣхъ, которые не служили ни въ артилеріи, ни въ кавалеріи подобные разговоры въ самомъ дѣлѣ могли казаться просто предлогомъ къ болтовнѣ; но въ положеніи частныхъ начальниковъ, вопросъ о фуражѣ былъ вопросомъ серьезнымъ, существеннымъ. Стоитъ

только вспомнить отношенія начальниковъ кавалерійскихъ и артилерійскихъ частей, бывавшихъ въ отрядѣ, къ ихъ непосредственнымъ начальникамъ, командирамъ полковъ и батарей. Офиціально каждый изъ нихъ носилъ титулъ командира дивизіона, взвода или эскадрона, и являлся въ отрядъ лицомъ самостоятельнымъ; въ дѣйствительности же значеніе ихъ было гораздо скромнѣе: они были только исполнителями воли полковыхъ и батарейныхъ командировъ. Отправляясь въ отрядъ, каждый изъ субалтернъ-офицеровъ принималъ часть, значившуюся на бумагѣ въ отличномъ порядкѣ и обязанъ былъ, при возможно-меньшемъ (относительно положеннаго) требованіи всего отъ командировъ, сдать ее обратно въ такомъ же видѣ. Между тѣмъ, нерѣдко случалось, что, при отправленіи въ отрядъ, офицеръ, начальникъ малой части, получалъ худшихъ лошадей, старую амуницію, подмазанную дегтемъ, да двѣ-три изломанные повозки посылались съ нимъ въ отрядъ для починки, на томъ основаніи, что дѣсь всегда подъ рукою.

11-го января было объявлено, въ вечернемъ приказаніи, что завтра выступаетъ одна колонна въ Майкопъ, для доставки оттуда сѣна, а другая, подъ командою генераль-маіора Тихоцкого, для разработки дороги вверхъ по рѣкѣ Курджупсу. Колонна, отправлявшаяся въ Майкопъ, должна была придти обратно не позже 13-го января, такъ какъ 14-го числа предполагалось движеніе всего отряда впередъ. Впрочемъ, если бы даже и не было назначено срока, то и тогда колонна эта не могла возвратиться раньше другаго дня; одна пріемка экстреннаго сѣна, которое отпускалось теперь чуть не по фунтамъ, требовала, по меньшей мѣрѣ, двадцати часовъ, а доставка его, на изморенныхъ транспортныхъ лошадяхъ, въ отрядъ по глубокому снѣгу и по пути, треть котораго приходилось идти въ одну повозку и на этомъ пространствѣ дѣлать три подъема, тоже требовали не менѣе двадцати часовъ. Какъ бы то ни было, но начальникамъ частей предстояло измышлять средства къ прокормленію лошадей въ теченіе двухъ сутокъ. За дни мы не боялись, особенно при хорошемъ присмотрѣ часовыхъ; но ночи насъ сильно пугали послѣ того, какъ въ одной части уже появилось нѣсколько лошадей съ объѣденными хвостами. Нужно было, какъ говорили солдаты, „забавлять лошадей чѣмънибудь“, и это что-нибудь составляло хворостъ, листья и даже пни молодыхъ деревъ, съ которыхъ къ утру лошади очищали кору.

12-го января колонна генерала Тихоцкаго, выйдя за черту лагера, начала выстраиваться въ боевой порядокъ. Лежавшее предъ нами ровное поле позволяло развернуть силы, и тѣмъ давало возможность съ меньшей потерей занять находившійся въ верстѣ отъ лагера рѣдкій, но крупный лѣсъ, окоймлявшій широкую канаву, вѣроятно прежнее русло рѣки. Три баталіона пѣхоты, съ двумя взводами артилеріи и цѣпью 19-го стрѣлковаго баталіона, составлявшіе первую линію, разомъ двинулись впередъ; вторая линія и кавалеріи послѣдовали за ними. Горцы, ожидавшіе нашего движенія, открыли перестрѣлку еще въ то время, когда колонна выстраивалась; но отвѣты 19-го стрѣлковаго баталіона заставили ихъ отойти къ лѣсу. Здѣсь они считали себя достаточно обезпеченными и потому, мало обращая вниманія на нашъ артилерійскій и ружейный огонь, поддерживали оживленную пальбу во все время движенія колонны до канавы, и наконецъ, видя безконечность своихъ цѣлей, рѣшились отступать. Но отступать до слѣдующаго лѣса, въ которомъ скрывался аулъ Кудинетова, пришлось по открытому мѣсту, подъ учащеннымъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ, которые немедленно заняли деревья, только что оставленные горцами. Тутъ мы были свидѣтелями грустной сцены. Старикъ-мулла былъ раненъ; молодой горецъ тщетно старался поднять его на лошадь, нѣсколько разъ наклонялся онъ къ раненому, чтобы подхватить его, но горячій конь, отпрыгивавшій отъ ложившихся вблизи ея пудъ, дѣлалъ всѣ усилія молодаго человѣка бесполезными. Тогда онъ соскочилъ съ коня, взялъ на руки старика и пустился бѣжать. Раненый, въ свою очередь, горецъ упалъ, однако приподнялся и пытался взбросить на себя муллу. Офицеры наши кричали стрѣлкамъ не стрѣлять въ него, но голоса ихъ были заглушаемы пальбой. Вскорѣ молодой горецъ свалился... Набѣжавшая цѣпь, конечно, не пощадила обоихъ: они были заколоты прежде, чѣмъ успѣли офицеры дойти до мѣста сцены.

Войска быстро подвигались за цѣпью и, вслѣдъ за отступающимъ непріятелемъ, вошли въ пылающій аулъ Кудинетова, изъ котораго не все имущество было вывезено. Что побудило горцевъ оставить имущество въ аулѣ ближайшемъ къ отряду и лежащемъ на пути его наступленія? Нельзя предполагать, чтобы они надѣялись принудить наши войска отказаться отъ движенія впередъ; ничего подобнаго никогда еще не случалось

на правомъ флангѣ. Не рассчитывалъ ли противникъ, что глубокій снѣгъ заставитъ отложить наступленіе отряда до болѣе удобнаго времени? Этому горцы не могли ожидать отъ генерала Козловскаго, котораго ничто не останавливало. Вѣроятное всего, что горцы были введены въ заблужденіе рубкою лѣса на лѣвой горѣ; они могли предполагать, что настоящее движеніе ограничится разработкою новой дороги въ Майкопское ущелье, или же что отрядъ, по новой просѣкѣ, перевалится чрезъ гору и откроетъ дѣйствія въ нетронutomъ еще Майкопскомъ ущельѣ. Такое заблужденіе казалось тѣмъ возможнѣе, что отрядъ генерала Войцickaго, вмѣсто движенія вверхъ по рѣкѣ Пшехѣ, какъ было ему назначено, ограничился пассивною ролью: пройдя версты семь отъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія, онъ думалъ уже возвратиться. Что горцы были убѣждены въ нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ бѣлорѣченскаго отряда, въ этомъ увѣрились всѣ 13-го января присутствіемъ Мегметъ-Алимъ и всего населенія обоихъ ущелій на рѣкѣ Курджупсѣ.

Такъ или иначе, только аулъ Кудинетова былъ оставленъ жителями и зажженъ ими при нашемъ приближеніи. Войскамъ нашимъ досталась лишь самая незначительная добыча, въ томъ числѣ нѣсколько колчановъ и стрѣлъ. Отступившіе въ ближайшій лѣсъ горцы ждали нашего дальнѣйшаго движенія, но оно не послѣдовало 12-го января. Зная о значительномъ сборѣ непріятеля, генералъ Козловскій призналъ необходимымъ ограничиться, до времени, сдѣланнымъ движеніемъ и, воспользовавшись расположеніемъ войскъ, обезпечить путь отступленія. Тотчасъ же застучали топоры и къ вечеру пройденная колонною дорога была очищена отъ лѣса. Войска въ сумерки возвратились въ лагерь, припеся нѣсколько солдатъ раненыхъ и убитыхъ.

13-го января, колонна, подъ командою полковника Кутневича, рано утромъ отправилась расширять вчерашнюю просѣку. Пройдя сожженный аулъ Кудинетова, авангардъ, подъ командою полковника Моренца, расположился на берегу Курджупса, дѣлающаго въ этомъ мѣстѣ обратный поворотъ направо. Колонна изъ баталіоновъ Севастопольскаго полка, подъ начальствомъ полковника Лихутина, составляла правую цѣпь и заняла лѣсъ за бывшимъ ауломъ Кудинетова, а лѣвая, изъ баталіоновъ Кубанскаго полка, подъ командою полковника Преображенскаго, вошла въ лѣсъ, росшій вдоль того хребта, который

отдѣляетъ ущелье рѣки Бѣлой отъ ущелья рѣки Курджупса. Позиція была занята безъ выстрѣла и войска, оградивъ себя цѣпью, принялись валить деревья, находившіяся въ образованномъ ими четырехугольникѣ. Предъ авангардомъ, по другую сторону Курджупса, тянулись большая открытая поляна, перерѣзанная съ правой стороны плетнями, для предохраненія посѣвовъ отъ нашествія дикихъ свиней (*). Плетни эти, одной стороной, примыкали къ лѣсу, идущему вдоль правой возвышенности, а другой къ дорогѣ, вверхъ по ущелью.

Около восьми часовъ, горцы, собравшись въ значительномъ числѣ, начали изъ-лѣсу перестрѣливаться съ правой колонной и, въ то же время, конныя толпы ихъ показались на открытой полянѣ, предъ авангардомъ. Цѣпь авангарда была переброшена чрезъ рѣку и штыцерные 19-го стрѣлковаго баталіона залегли на правомъ берегу Курджупса. Въ правой колоннѣ перестрѣлка постепенно разгоралась и скоро приблизилась къ авангарду, такъ что горцы, забравшись въ небольшую балку, на отлогости правой горы, почти безнаказанно тревожили уголъ соединенія правой колонны съ авангардомъ. Огонь четырехъ орудій, двухъ батарейныхъ правой колонны и двухъ легкихъ авангарда, былъ сосредоточенъ на этотъ естественный ложементъ; но снаряды наши или засѣдали въ наружной покато-сти, или, дѣлая на вершинѣ ея рикошетъ, передѣлывали чрезъ балку и вбивались въ гору. Въ это же время, развѣзавшая предъ нами толпа сѣѣшила, заняла ближайшій плетень и открыла огонь по прикрытію авангардныхъ орудій, которыя тотчасъ же были направлены на плетень и одна рота Ставропольскаго полка посланна на правый берегъ Курджупса, для усиленія цѣпи. Горцы замѣтно стали прибывать; огонь ихъ становился все живѣе и живѣе; нѣсколько раненыхъ и убитыхъ были уже вынесены изъ цѣпи и прикрытія на перевязочный пунктъ. Оставаться подъ такимъ огнемъ, не имѣя даже утѣшенія причинить вредъ горцамъ, было непріятно для войскъ, привыкшихъ наносить непріятелю чувствительныя пораженія съ небольшою потерей для себя. — „Эхъ, кабы позволяли турнуть этихъ оборванцевъ!“ слышалось въ прикрытіи. — „Небойсь,

(*) Въ кавказскихъ лѣсахъ подителъ множество дикихъ свиней, производящихъ страшное опустошеніе на хлѣбныхъ поляхъ. Горцы, преимущественно засѣвающие кукурузу, любимую пищу свиней, должны были особенно заботиться о сохраненіи своихъ посѣвовъ; съ этой цѣлью каждый хозяинъ огораживалъ свой загонъ плетнемъ или частоколомъ, а иногда, сверхъ того, окапывалъ канавой.

удирали бы проклятые, какъ зайцы“. — „Только тѣмъ анафема, прости Господи, и беретъ, что прячется въ лѣсу или въ норѣ....“

Наши солдаты бывали пристрастны и не отдавали должной справедливости горцамъ: ихъ возмущалъ усвоенный непріателемъ образъ веденія войны. „Разбойники! право слово, разбойники! выстрѣлить изъ-за куста, да и драла!“ Они не соображали, что, при численномъ меньшинствѣ, только такой способъ наносить намъ вредъ и былъ возможенъ. Солдатъ нашъ любить открытую борьбу; ему нужно видѣть непріателя; онъ съ удовольствіемъ пойдетъ тогда одинъ на трехъ и, если потерпѣть неудачу, то все же ему остается утѣшеніе, что своими глазами видѣлъ уронъ непріателя. Поэтому наши солдаты всегда отзывались съ уваженіемъ о тѣхъ горцахъ, которые бросались въ атаку на открытомъ мѣстѣ: „Вотъ джигиты, такъ джигиты! захотѣли драться и лѣзутъ какъ черти.“ — „Глупы только“, сокрушительно прибавляли солдаты, „думали что нибудь взять!... Насъ вона какая сила, а ихъ что? десять, двадцать,—да и обчелся!“ Въ подобномъ случаѣ солдаты не скрывали даже своего численнаго перевѣса, тогда какъ, при атакѣ въ лѣсу, горцевъ всегда было „видимо не видимо“. — „А что много горцевъ?“ спросишь, бывало, солдатъ, ведущихъ раненаго изъ цѣпи. „И.... и.... и Боже мой! сколько!“ — непременно отвѣтятъ вамъ, вытягивая букву *и* до невозможности.

Прибывшій на мѣсто перестрѣлки, полковникъ Кутневичъ разомъ отгадалъ настроеніе солдатъ: онъ понялъ, чего можно достигнуть, двинувъ войска впередъ. Горцы, залегшіе въ балкѣ справа, должны были бы оставить свой постъ, такъ какъ наша цѣпь, пройдя немного впередъ, могла поражать ихъ анфиладнымъ огнемъ и намъ пришлось бы вести перестрѣлку только съ тѣми, которые занимали плетни, и огонь которыхъ уравнивался бы огнемъ нашей цѣпи, съ переводомъ ея за первый плетень. Къ сожалѣнію, полковникъ Кутневичъ употребилъ въ дѣло слишкомъ небольшую часть войскъ. Подскакавъ къ цѣпи, онъ обратился къ ротѣ ставропольцевъ и приказалъ прогнать горцевъ. Только этого и ждали солдаты. Дружное „ура“ раздалось въ небольшой кучкѣ людей и, съ этимъ побѣднымъ крикомъ, первый плетень былъ занятъ. Горцы отступили къ слѣдующей изгороди и какъ бы поддразнивали солдатъ, увлекая ихъ впередъ. Командиръ роты, поручикъ Хуцесовъ, повторилъ

опять побѣдный крикъ, и рота выбила горцевъ изъ второй изгороди. Раненый въ руку, онъ разгорячился, бросился вслѣдъ за отступавшими горцами, но, перепрыгивая третій плетень, былъ вторично тяжело раненъ. Рота, оставшись безъ офицера, смѣшалась, однако заняла плетень и поддерживала перестрѣлку, надѣясь на помощь колонны. Помощи не выслали. Напрасно другъ Хуцесова, честная храбрая личность Месхіевъ, упрашивалъ полковника Моренца позволить ему броситься на выручку своихъ. Разрѣшеніе не давалось, а между тѣмъ рота Хуцесова, потерявъ много людей, оставила занятую ею позицію и торопливо стала отступать. Раненый Хуцесовъ былъ оставленъ вмѣстѣ съ нѣсколькими солдатами, пытавшимися вынести своего ротнаго командира. Тогда горцы, занявъ плетни и балку, открыли сильный огонь; заводъ легкихъ орудій, закрываемый доселѣ ставропольскою ротою, послѣ безпорядочнаго отступленія ея, получилъ возможность стрѣлять картечью. Самая частая пальба только сдерживала горцевъ, но они не очипцали занятыхъ позицій.

Въ это время прискакалъ изъ лагеря генералъ-лейтенантъ Козловскій.

Узнавъ, что офицеръ и нѣсколько рядовыхъ оставлены въ рукахъ непріятеля, генералъ Козловскій немедленно прекратилъ рубку лѣса и, стянувъ къ авангарду всю колонну, двинулся впередъ. Перейдя р. Курджупсъ, отрядъ пошелъ по ровной открытой полянѣ до самаго аула Духъ-Хабль. Кряжъ горъ съ лѣвой стороны, значительно отходить въ этомъ мѣстѣ отъ дороги, такъ что лѣвая цѣпь, идя по полугорѣ, оторвалась отъ цѣпи авангарда. Въ этотъ промежутокъ была поставлена кавалерія, пришедшая съ генераломъ Козловскимъ.

За ауломъ Духъ-Хабль, поперекъ всего ущелья, тянется глубокая балка; сторона ея, противоположная нашему наступленію, была оокймлена густымъ лѣсомъ, оставлявшимъ за ауломъ небольшой проходъ, по которому тянулась дорога. По дорогѣ черезъ балку былъ переброшенъ довольно прочный мостъ.

Колонна быстро подвигалась впередъ, тѣсняя предъ собою толпы конныхъ горцевъ. Вотъ уже показались сакли, но почти въ то же мгновеніе густой дымъ взвился надъ ними, и пламя охватило аулъ со всѣхъ сторонъ. Горцы скрылись.... Можно было предполагать, что они поспѣшили къ слѣдующему аулу, чтобы до нашего прихода спасти свое имущество. Предпопо-

женіе это не оправдалось. Едва авангардная цѣпь начала приближаться къ балкѣ, какъ дружный залпъ, направленный преимущественно противъ кавалеріи, вынесъ много жертвъ изъ нашихъ рядовъ. Къ счастью, внезапность не озадачила казаковъ; въ мигъ они свѣшились и бросились въ рукопашную. Три сотни, бывшія впереди, хотя и потеряли при залпѣ своихъ начальниковъ, однако не послѣдовали примѣру ставропольской роты. Онѣ поклялись отмстить—и отместили молодецки: болѣе 80 непріятельскихъ труповъ остались въ балкѣ. Резервы авангарда свѣшили поддержать кавалерію и свою цѣпь, но самая главная часть ихъ отдѣлялась пылающимъ ауломъ. Недолго думая, пѣхота бѣгомъ бросилась черезъ аулъ; артилерія послѣдовала за нею. Пробѣжавъ аулъ, авангардъ попалъ на несовсѣмъ еще разрушенный мостъ и, пройдя его, занялъ дорогу и лѣсъ съ правой стороны ея. Въ концѣ дороги, раздѣлявшей оба лѣса, открылась опять большая поляна, весьма удобная для дѣйствія артилеріи. Ставъ во флангъ горцамъ, занимавшимъ балку, и на пути ихъ отступленія, мы, артиллеристы, могли только любоваться картиною кровавой схватки, но не могли принимать въ ней участія, такъ какъ казаки, драгуны, пѣхотные стрѣлки и горцы сбились въ кучу. Непріятель не выдержалъ, бросился на утекъ чрезъ поляну; здѣсь онъ былъ истрѣченъ картечью двухъ легкихъ орудій авангарда и при бывшихъ изъ правой колонны двухъ батарейныхъ орудій. Видя, что путь отступленія съ этой стороны отрѣзанъ, горцы устремились въ лѣсъ вдоль балки, надѣясь вершиной ея пробраться на гору; но лѣвая колонна преграждала и эту дорогу. Картечный залпъ двухъ горныхъ орудій и дружное ура кубанцевъ окончательно озадачили горцевъ: они попятились. Между тѣмъ, задержанная боемъ колонна перешла въ наступленіе. Тогда горцы рѣшились пробиться чрезъ лѣвую колонну. Попытка эта дорого стоила передовымъ смѣльчакамъ и отбила охоту у другихъ послѣдовать ихъ примѣру. Неизбѣжная гибель, при отступленіи этимъ путемъ, заставила непріятеля избрать первый, гдѣ не приходилось прокладывать себѣ дорогу чрезъ наши войска, а нужно было только пробѣгать подъ выстрѣлами ихъ. Перекрестный огонь шести орудій (двухъ авангардныхъ легкихъ, двухъ батарейныхъ правой колонны и двухъ горныхъ лѣвой) и цѣпи провожали горцевъ до тѣхъ поръ, пока они скрылись въ лѣсу.

Послѣ такого рѣшительнаго пораженія, горцы уже не отваживались оказывать какое-либо сопротивленіе, несмотря на убѣжденія и угрозы Магометъ-Ампа, лично распоряжавшагося перестрѣлкой въ этотъ день: густыми толпами они отступили на вершины окрестныхъ горъ, гдѣ все время оставались зрителями.

Колонна, подобравъ раненыхъ (*) и убитыхъ, которыхъ было много, двинулась дальше. Нѣсколько десятковъ наѣздниковъ показались опять въ почтительномъ разстояніи отъ цѣпи, и, отступая предъ нею, какъ бы составляли авангардъ нашей колонны, но ни одного выстрѣла не было сдѣлано съ ихъ стороны: кажется, они ѣхали собственно для того, чтобы уничтожить запасы сѣна и аулы, лежавшіе на пути нашего слѣдованія. Колонна и не рассчитывала двигаться до ауловъ; пройдя персты три, она остановилась и принялась расчищать дорогу. Съ утра висѣвшія надъ нами густыя тучи разразились обильнымъ снѣгомъ, и войска, проработавъ до сумерекъ, возвратились убѣжденные въ лагерь.

Наша потеря въ этотъ день состояла изъ шести или семи офицеровъ и, если не ошибаюсь, изъ 40 нижнихъ чиновъ, бывшихъ изъ строя. Преимущественно пострадали казаки, и, между ними, болѣе другихъ, лихая прочноокопская сотня. Уронъ горцевъ былъ втрое, если не больше. Они отказались отъ перестрѣлокъ до конца зимняго періода дѣйствій отряда.

Въ моемъ разсказѣ читателю можетъ показаться неправдоподобною фраза: „артилерія двинулась чрезъ пылающій аулъ.“

Въ оправданіе себя я долженъ сказать, какъ соблюдались въ кавказскихъ отрядахъ правила предосторожности отъ взрывовъ. Отчего въ продолженіе всей войны не было ни одного несчастнаго случая? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только словами солдатъ: „Богъ миловалъ“. Для большей ясности, опишу, какъ обыкновенно располагалась артилерія въ нашихъ лагеряхъ.

Ее ставили всегда повзводно или подивизионно между баталіонами, при чемъ орудія и передки выдвигались за черту лагеря, а первые ящики становились на линіи войскъ. Интервалъ, между артилеріею и пѣхотою, оставался до десяти ша-

(*) Изъ офицеровъ ранены были: полковникъ Преображенскій, прочноокопской сотни сотникъ Малахихинъ и еще другіе, имена которыхъ не уомяню. Убиты: есаулъ Колосовъ, сотникъ Коппиевъ и поручикъ Хуцесовъ (тѣло послѣдняго взято было горцами раньше).

говъ, иногда и менѣе, но никакъ не болѣе, и на этомъ разстояніи начинались костры пѣхоты, складывавшіеся тоже шагахъ въ десяти или пятнадцати предъ баталіономъ. Артилерійскіе офицеры конечно протестовали, но, большею частію, напрасно; много-много если приказывали костеръ отодвинуть еще шаговъ на пять, и это обыкновенно бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда искры относилло вѣтромъ на ящики. Въ другихъ же случаяхъ, протестовавшему офицеру выставляли на видъ усталость солдатъ, невозможность обойтись имъ, промокшимъ или продрогшимъ до костей, безъ костровъ, примѣры десятковъ лѣтъ, когда костры раскладывались точно такимъ же образомъ, и, благодаря Бога, никакого несчастья не было.... и т. п. доказательства. Иногда, послѣ долгихъ преній, споръ доходилъ до колоннаго начальника и разрѣшался приказаніемъ „быть поосторожнѣе“. Приказаніе это передавалось ротными командирами фельдфебелямъ, и выполненіе его состояло въ томъ, что солдатамъ запрещалось бросать бревна на костеръ, чтобы не подымать столбы искръ, а класть ихъ осторожно.... А костры все таки догорали мирно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были заложены. Отдаленіе пѣхоты отъ ящиковъ па большое разстояніе вызвало бы непременно назначеніе какой нибудь части въ ночной караулъ, противу чего начальники пѣхотныхъ частей, жалѣя солдатъ, возставали. Въ лѣтнее время подобное распоряженіе не могло быть обременительно, ибо люди покойно спали между орудіями, но зимою, когда солдатъ только и засыпалъ пригрѣваемый костромъ, такое назначеніе было бы дѣйствительно тяжело. Еще затруднительнѣе было соблюсти предосторожности при выступленіи артилеріи изъ лагеря. Ночью, при сборѣ колонны на работы, частямъ артилеріи, противоположнаго фаса тому, предъ которымъ выстраивались войска, приходилось идти къ сборному пункту или чрезъ лабиринтъ повозокъ, коновязей, офицерскихъ кухонь и т. п.; или же, окружной дорогой, по чертѣ лагеря, обыкновенно предпочитаемой первой. При этомъ неизбѣжно было переходить чрезъ два-три не совсѣмъ еще потушенныхъ костра или лавировать между горящими кострами. Отъ такихъ постоянныхъ хожденій съ зарядными щиками вблизи огня, солдаты становились до высшей степени безопасными, и движеніе артилерійской части къ сборному пункту требовало большой бдительности со стороны офицеровъ. Образцомъ безмечности солдатъ могутъ служить два слѣдующіе примѣра, по-

лучившіе въ свое время нѣкоторую гласность. Въ февралѣ 1862 года, при отдыхѣ средне-фарскаго отряда около Майкопскаго укрѣпленія, артилерійскій офицеръ, отлучившійся въ укрѣпленіе за приемою снарядовъ, возвратясь къ своей части, увидѣлъ слѣдующую картину: на колесахъ двухъ сосѣднихъ ящиковъ была положена палка, съ висящимъ на ней котелкомъ, подъ которымъ разведенъ былъ огонь. Прикрытіе, назначенное къ артилеріи, готовило себѣ ужинъ.... Въ мартѣ 1863 года, одинъ изъ высшихъ начальниковъ ужаснулся, увидя ѣздоваго, управляющаго ящичными лошадьми, который спокойно курилъ трубку. Конечно, въ обоихъ этихъ случаяхъ виновные не остались безнаказанными, но сколько сотъ случаевъ остались незамѣченными, не говорю высшимъ начальствомъ, но даже своимъ ближайшимъ. Послѣ такихъ примѣровъ, я думаю, читатель повѣритъ, что солдаты не задумались махнуть маршмаршемъ чрезъ пылающій аулъ тогда, когда дѣло коснулось выручки своихъ товарищей.

Возвратись въ лагерь, войска застали уже въ немъ колонну, посланную 12-го числа въ Майкопъ. Всѣ съ жадностію бросились узнавать новости, будто оставили крѣпость Богъ-вѣсть какъ давно. Надобно самому испытать всѣ муки ожиданія и, потомъ, радость полученія давно желанныхъ извѣстій, чтобы понять, что значить приходъ колонны въ лагерь. Вѣсть о приближеніи ея съ быстротою молніи облетаетъ войска; еще колонна едва виднѣется, а всѣ ожидающіе чего-нибудь уже столпились за чертою лагеря и жадно слѣдятъ за каждымъ шагомъ ея приближенія. Взгляните на всѣ лица: какъ рѣзко написано на нихъ томительное ожиданіе и какъ ясно обозначается все внутреннее состояніе души. Часто улыбка удовольствія, предвѣщающая сладость сбывшихся надеждъ, вдругъ смѣняется уныніемъ мелькнувшаго сомнѣнія.

Вотъ, напримѣръ, офицеръ, оставившій свое семейство въ станицѣ на линіи: пробывъ шесть мѣсяцевъ въ отрядѣ, онъ просилъ полковаго командира разрѣшить ему недѣльный отпускъ. Разрѣшеніе эго должно прибыть съ настоящей колонной. Офицеръ естественно желаетъ получить утвердительный отвѣтъ, но смутное предчувствіе говоритъ, что скорѣе можно ожидать отказъ, и онъ въ волненіи шагаетъ впереди ожидающихъ.

— Что, Петръ Михайлычъ? дожидаетесь?

Т. XLIV. Отд. II.

— Да, кажется теперь-то нѣтъ причины отказать. Шестъ мѣсяцевъ, батюшка, безвыходно отдежурилъ.

— Ну, а если откажетъ?

— Откажетъ?... Посмотрѣлъ бы я, какъ онъ это сдѣлаетъ.... Да я ему тогда всю правду отпою. Архангельской цѣлый годъ въ штабъ, Полянской тоже, Петровъ тоже—а чѣмъ они лучше меня?... Если откажутъ, подамъ рапортъ о болѣзни. Я прямо скажу....

И офицеръ начинаетъ только горячиться.

Вы думаете, что онъ и вправду приведетъ въ исполненіе свою угрозу? Нѣтъ; онъ только тѣшитъ самого себя и все дѣло кончится словами, сказанными сгоряча... Офицеръ очень хорошо сознаетъ, что ничего прямо сказать не можетъ, не повредивъ себѣ и своей семьѣ.... Отпуска онъ не получитъ, по горячится еще часъ, а потомъ мирно начнетъ перечитывать приказанія, доставленные изъ штаба, и повѣрять счета артельщика, прибывшаго съ линіи.

— Ну, господа: говоритъ другой офицеръ, если я и теперь не произведенъ, то, сй Богу, подамъ въ отставку.... Вотъ увидите... прибавляетъ онъ внушительно—зная напередъ, что его слова встрѣчены сомнѣніемъ товарищей, слушающихъ эту угрозу чуть ли не десятый разъ. И тутъ все кончится словами. Добровольная отставка для этого офицера немыслима, потому что жалованьемъ онъ содержитъ мать и сестру. Черезъ часъ, его ожиданія, обманутыя съ приходомъ колонны, перейдутъ въ надежду, что, можетъ быть, посчастливится въ другой разъ, и онъ покойно приступитъ къ своимъ, прерваннымъ на часъ, занятіямъ.

— „Вы тоже чего-нибудь ожидаете?“ надѣдаетъ всѣмъ третій. Лицо его сіяетъ улыбкой; видно, что онъ съ увѣренностью ждетъ прихода колонны, убѣжденный въ исполненіи своихъ желаній. Интересъ его ожиданій, если хотите знать, мелочень, но въ лагерномъ быту и онъ имѣетъ свое значеніе. Офицеръ послалъ за разными покупками своего расторопнаго деньщика и заранѣе увѣренъ, что тотъ хорошо выполнитъ порученіе“.

— „Что привезъ?“—„Все привезъ, ваше благородіе“.—„Ай да молодець! я зналъ, что мой Савельевъ въ грязь лицомъ себя не ударитъ“, обращается онъ безразлично къ толпѣ и, довольный, идетъ въ лагерь, въ сопровожденіи Савельева, спябующагося подъ ношею.

— „Афроську видѣлъ“, спрашиваетъ солдатъ, съ плутовой улыбкой на лицѣ, своего товарища, котораго посылали за покупкой въ станицы.

— Видѣлъ.

— Ну?...

— Что ну?... Значить видѣлъ, когда говорю.

— Небойсь шалить?... Меня спрашивала?...

— Какъ же! ждетъ не дождется.... Говорить, безпремѣнно кланяйся.

И вопрошавшій отходить съ самодовольной улыбкой.

А сколько обманутыхъ надеждъ остаются скрытыми отъ наблюдателя! Сколько въ толпѣ такихъ, которые, лучше владея собою, не выскажутъ причины, заставившей ихъ выйти на встрѣчу колонны.

Но вотъ и хвостъ колонны втянулся въ лагерь. Вездѣ видна суeta около разбирающихся повозокъ; въ палаткахъ идутъ оживленные разговоры; вновь прибывшіе не успѣваютъ отвѣчать на вопросы, которыми ихъ осаждаютъ со всѣхъ сторонъ; обжившіеся уже въ лагерь стараются въ свою очередь, на перерывѣ другъ передъ другомъ, сообщить отрядныя новости—кто раненъ, кто убитъ, кому какая досталась пожива при набѣгѣ. Фельдфебеля степенно отбираютъ отчетъ у артельщиковъ и разговоръ ихъ оканчивается полупшепотомъ у палатки, въ которой оба должны предстать съ докладомъ предъ ротнымъ командиромъ. Въ офицерскихъ палаткахъ слышны или веселый смѣхъ, или громкое чтеніе новыхъ газетъ. Въ отрядномъ штабѣ тоже идетъ суeta; тамъ получены новыя распоряженія и рѣшается головоломная задача, какъ раздѣлить десять-пятнадцать воевъ экстреннаго сѣна и не обидѣть ни одну часть. Жажущихъ получить сѣно много; всѣ они собрались въ штабъ и тормозятъ отряднаго адъютанта, стараясь каждый доказать, что ему, по такимъ-то и такимъ-то причинамъ, должно быть отдано предпочтеніе предъ другими. Адъютантъ спасается въ палатку отряднаго начальника, но выходъ его стерегутъ зорко, и едва только онъ показался, какъ его вновь осаждаютъ тѣми же просьбами.

13-го числа адъютанту пришлось хуже нежели когда-нибудь. Въ Майкопѣ частямъ не отпустили сѣна изъ эскадроннаго склада, а потому претендентовъ въ лагерь явилось больше обыкновеннаго. Къ радости адъютанта, и къ удивленію всѣхъ

насъ, вопросъ этотъ генералъ Козловскій разрѣшилъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ распекъ первого попавшагося просителя, артилерійскаго офицера, за то, что у него не заготовлено въ достаточномъ количествѣ сѣна, и приказалъ немедленно выслать изъ отряда часть, которою тотъ командовалъ. Мы не вѣрили, чтобы отданное сгоряча приказаніе было приведено въ исполненіе. Намъ удивило подобное рѣшеніе со стороны начальника, распорядившагося приказомъ о заготовленіи сѣна только до 10-го января, и мы тѣмъ болѣе могли рассчитывать на отмѣну приказанія о высылкѣ изъ отряда именно этой части, что гроза обрушилась на офицера, не принимавшаго участія въ заготовленіи сѣна и прибывшаго въ отрядъ только въ зимній періодъ. Но отмѣны распоряженія не послѣдовало, и черезъ часъ мы увидѣли, какъ дивизіонъ артилеріи, подъ конвоемъ сотни казаковъ, выступилъ въ Майкопъ. Часа черезъ полтора, такое же приказаніе было отдано генералъ-маіору Тихоцкому, и къ утру онъ тоже оставилъ отрядъ вмѣстѣ со своими драгунами.

Перестрѣлкой 13-го января, можно сказать, окончились дѣйствія майкопскаго отряда. 14-го января отрядъ прошелъ еще нѣсколько верстъ вверхъ по р. Курджупсу, но горы, послѣ неудачнаго дѣла у аула Духъ-Хабль, почти не оказывали сопротивленія. 17-го января генералъ-лейтенантъ Козловскій получилъ донесеніе отъ генералъ-маіора Войццкаго, что, по причинѣ глубокаго снѣга, онъ не могъ выполнить назначеннаго ему движенія и возвратился въ укрѣпленіе Бѣлорѣченское. Отрядъ его прошелъ по р. Пшехѣ верстъ шесть, и самый дальній пунктъ, осмотрѣнный имъ, было то мѣсто, гдѣ теперь расположена станица Пшехская, т. е. семь или восемь верстъ отъ укрѣпленія Бѣлорѣченскаго.

Сколько я помню, въ Кубанской области ни одно совокупное движеніе двухъ отрядовъ, имѣвшихъ цѣлю осмотрѣть какія-либо мѣста и соединиться въ извѣстномъ пунктѣ, не удавалось. Отчего это происходило, не берусь рѣшить; но могу въ доказательство привести еще слѣдующіе примѣры. Въ 1859 году должны были соединиться отряды майкопскій, генералъ-маіора Преображенскаго, шедшій по ущелью р. Бѣлой, и лабинскій, генералъ-маіора Войццкаго, двигавшійся чрезъ Хамкеты. Майкопскій отрядъ прошелъ до впаденія въ р. Бѣлую р. Фюфѣтъ, и 28-го января начальникъ отряда полу-

чиль увѣдомленіе, что отрядъ генерала Войцיצкаго не могъ двигаться по причинѣ густаго тумана, и возвратился на лабинскую линію. Въ 1862 году два раза предпринималось движеніе по Курджупскому и Пшихскому ущельямъ съ тѣмъ, чтобы отряды сошлись въ верховьяхъ р. Курджупса, и оба раза соединенія не состоялись. Въ 1863 году отряды генераловъ Геймана и Граббе, при движеніи къ урочищу, занятому горцами на р. Чилипси, вмѣсто того чтобы соединиться въ извѣстномъ пунктѣ, сошлись на дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лагеря.

20-го января послѣдовалъ отпускъ майкопскаго отряда, неумоимо дѣйствовавшаго почти въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Съ какою радостью войска спѣшили на мѣсто, объ этомъ нечего и говорить. Переходы, которые дѣлались, при выступленіи въ отрядъ, въ два три-дня, теперь оканчивались въ одинъ; скудные остатки провіанта и фуража раздавались щедрой рукой; не къ чему было рассчитывать на будущее и загонять экономію: всѣ знали, что черезъ нѣсколько дней будутъ дома и, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ или полтора отдохнуть послѣ тяжелыхъ трудовъ.

Огкровенно говоря, результаты дѣйствій майкопскаго отряда были далеко не соразмѣрны съ потерей, которой стоило намъ занятіе и утвержденіе на этомъ мѣстѣ, что и обнаружилось въ походы слѣдующихъ годовъ. Вслѣдъ за отпускомъ отряда, горцы опять стали селиться въ Курджупскомъ ущельѣ, по-прежнему спокойно проживали въ своихъ аулахъ и посѣщали, довольно часто, окрестности Майкопа. Пространство между рѣками Бѣлой и Лабой осталось доступнымъ для ихъ набѣговъ какъ и прежде, доказательствомъ чему служили постоянныя происшествія на лабинской линіи до 1862 года. Самое сообщеніе съ укрѣпленіемъ Майкопомъ было возможно только съ значительнымъ прикрытіемъ, и Майкопъ долго еще оставался одинокомъ на передовой линіи, приносилъ такую же пользу, какъ и Бѣлорѣченское укрѣпленіе, т. е. служилъ сборнымъ пунктомъ для отрядовъ. Главная же цѣль майкопскаго отряда, устроить бѣлорѣченскую линію, осуществилась только въ 1862 году.